

Александр Петрович Бондарев

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ВЗГЛЯДЫ

БЕНЖАМЕНА КОНСТАНА

Французский ежегодник 1977
М.: Наука. 1979. С.212-225

Веб-публикация: Vive Liberta, 2011
http://vive-liberta.narod.ru/biblio/biblio_1.htm

Ссылки на материалы по теме даны нами в конце статьи.

Видный общественный и политический деятель периода Реставрации Бенжамен Констан глубокими внутренними корнями и личными симпатиями был связан с XVIII в., являясь убежденным наследником великих идей Просвещения.

За пафосом философской и политической борьбы просветителей скрывалась вполне земная историческая задача: обоснование и утверждение буржуазного общества. Однако борьба за насущные и, как потом выяснилось, совершенно прозаические интересы буржуазии воспринималась просветителями как борьба за освобождение человечества. Поэтому особенность общественно-политической деятельности Констан заключалась в том, что, пытаясь в условиях первой трети XIX в. осуществить просветительские идеалы, он в действительности способствовал утверждению эгоистических принципов «взаимной эксплуатации», видел это противоречие, но не смог разрешить его, оставаясь в границах буржуазного мировоззрения.

Бенжамен Констан де Ребек родился в Лозанне 25 октября 1767 г. Его предки были потомственными протестантами, вынужденными неоднократно покидать Францию, спасаясь от религиозных гонений. Это обстоятельство существенным образом повлияло на его мировоззрение и привело к тому, что уже в раннем детстве Констан начал проявлять интерес к XVIII в. В автобиографической повести «Красная тетрадь» (1811) Констан писал, вспоминая свои детские и юношеские годы: «В мое распоряжение была предоставлена библиотека, содержащая множество романов, а также модные в то время антирелигиозные произведения. Я читал по восемь — десять часов в день все, что попадалось мне под руку, начиная от сочинений Ламетри и кончая романами Кребийона. Моя голова и зрение на всю жизнь сохранили воспоминание об этом чтении»². Констан учился в Оксфордском университете, затем в Эрлангене и Эдинбурге, где познакомился с руководителями партии вигов. В 1788 г. будущий либерал поступил на службу к герцогу Брауншвейгскому, у которого прослужил до 1794 г. 25 мая 1795 г., на следующий день после прерриальского восстания, Констан приехал в Париж вместе с мадам де Сталь. К этому времени его политическое мировоззрение в основном сформировалось³.

Исторический оптимизм Бенжамена Констана основывался на вере в способность человечества к самосовершенствованию. В своем сочинении

¹ О политической деятельности Б. Констана см.: *Фагэ Э.* Политические мыслители и моралисты первой трети XIX века. М., 1900, с. 109—150; *Лабулэ Э.* Политические идеи Бенжамена Констана. М., 1905; *Faguet Emile.* Politiques et moralistes du XIXe siècle. Sér. 1. Paris, 1891; *Laboulaye Edouard.* Benjamin Constant.— *Revue nationale et étrangère*, 1861, 1866—1867; *Bastid Paul.* Benjamin Constant et sa doctrine, t. 1—2. Paris, 1966; *Holdheim William.* Benjamin Constant. London, 1961; *Gouhier Henry.* Benjamin Constant. Paris, 1967; *Nicolson Harold.* Benjamin Constant. London, 1949.

² *Constant Benjamin.* Le cahier rouge. Paris, 1928, p. 4.

³ О начале политической деятельности Констана см.: *Guillemin Henry.* Benjamin Constant muscadin. 1795—1799. Paris, 1958; *Rudler Gustave.* La jeunesse de Benjamin Constant. 1767—1794. Paris, 1909; *Jasinski Béatrice W.* L'engagement de Benjamin Constant. *Amour et politique.* 1794—1796. Minard, 1971.

«Смесь литературы и политики» Констан писал: «Взгляните на рабство при теократии, на илота Спарты и средневекового крепостного, сравните их с плебеем даже при Людовике XIV, и вы увидите огромный путь эволюции, пройденный человечеством. Не наше дело исследовать дальнейшее, все более убыстряющееся освобождение человеческого рода. В распоряжении тех, кто напишет об этом через пятьдесят лет, будет больше фактов, доказывающих эту эволюцию»⁴.

Политическим и общественным идеалом Констан являлось торжество либеральных свобод, и для их утверждения он стремился использовать все представлявшиеся для этого возможности. Такие формы государственного управления, как якобинская диктатура и цезаризм, представлялись Констану в корне враждебными либерализму. «В течение 40 лет, — писал Констан в 1829 г., — я отстаивал единственный принцип свободы во всем: в религии, в философии, в литературе, в промышленности, в политике; и под свободой я понимаю торжество индивидуальности как над авторитетом, желающим править при помощи деспотизма, так и над массами, которые требуют права подчинения меньшинства большинству»⁵.

Этот буржуазно-либеральный принцип Констан полностью проявился в его отношении к якобинской диктатуре. Вначале, находясь на службе у герцога Брауншвейгского, Констан восторженно встретил весть о начавшейся во Франции революции. Его энтузиазм был настолько велик, что в окружении эмигрантов-роялистов он рисковал быть принятым за якобинца. «Чтобы перестать быть ультрареволюционером, я не должен больше находиться в среде контрреволюционеров», — замечал Констан⁶. Однако по мере углубления революции его отношение к событиям во Франции менялось. Так, весть о казни Людовика XVI принесла ему первое разочарование. Полагая, что Конвент 1792 г. все же лучше, чем реставрация монархии, Констан тем не менее хотел надеяться, что за жирондистским Конвентом последует более умеренная республика. Известие о казни Марии-Антуанетты возмутило его.

Поэтому Констан одобрил переворот 9 термидора.

В Директории Констан видел возможность сохранения мира, достигнутых свобод, а также обуздания ультрароялистов и крайне левых. Накануне выборов V года, полагая, что правительство проявляет нерешительность в борьбе с монархической опасностью, Констан поддержал Директорию в статье, озаглавленной «О силе нынешнего правительства Франции и о необходимости сплотиться вокруг него». Победу роялистов на выборах Констан воспринял как реакцию на «крайности» якобинской диктатуры и этой проблеме посвятил два памфлета под названием «О политической реакции» и «О последствиях террора». Пытаясь осмыслить события минувших лет, он писал: «Когда революция, выйдя из берегов, останавливается, ее возвращают в соответствующие ей границы; но дело не ограничивается этим возвращением. Революция откатывается назад тем больше, чем дальше она продвинулась по пути разрушения. На этом кончается умеренность и начинается реакция»⁷. Если развитие революции останавливается на достигнутом равновесии, политической реакции нет места. Такие «спокойные» революции произошли в Швейцарии, Голландии, Америке. Но если революция, замечал Констан, намного обгоняет состояние идей, созданные ею учреждения, не находя поддержки в обществе, вынуждены прибегать к террору. В Англии революция началась под флагом пуританства, но в своем поступательном развитии посягнула на власть короля. Поэтому через 28 лет понадобилась новая революция, чтобы не допустить восстановления папской церкви. Французская революция, утверждал Констан, была

⁴ *Constant Benjamin. Mélanges de littérature et de politique. Paris, 1829, p. 96—97.*

⁵ *Ibid.*, p. VI.

⁶ Цит. по кн.: *Lauris Georges. Benjamin Constant et les idées libérales. Paris, 1904, p. 19.*

⁷ *Constant Benjamin. Collection complète des ouvrages. Paris, 1818—1820, t. 3, p. 62.*

направлена против сословных привилегий, но в своем развитии попыталась ликвидировать частную собственность, выйдя тем самым за положенные ей пределы. «Я не называю реакцией справедливое наказание виновных или возвращение к разумным идеям; эти вещи принадлежат: одна — правосудию, другая — здравомыслию. Реакцией я называю произвол вместо закона, страсти вместо разума; вместо того чтобы привлечь человека к суду, его уничтожают, вместо того чтобы серьезно подойти к изучению новых взглядов, их просто отбрасывают»⁸, — писал Констан, осуждая крайности термидорианской политики.

Констан не понял всемирно-исторического значения якобинской диктатуры. Для него она осталась ненужной «крайностью», затруднившей упрощение либеральных свобод. Этим объясняется стремление Констана задержать развитие революции на том этапе, который выгоден крупной буржуазии.

В период правления Директории Констан всеми силами содействовал созданию республиканского правительства в духе конституции III г. Однако Директория не смогла обеспечить надежное либеральное управление. Поэтому Констан приветствовал переворот 18 брюмера. Но в качестве члена трибуната он по-прежнему деятельно защищал принципы парламентаризма. Так, выступая против трехдневного срока, которым Наполеон ограничил обсуждение законопроектов трибуналом, Констан говорил: «Нам предлагают проекты на лету в надежде, что мы не успеем разобраться в них, их хотят перебросить через наши головы, как вражескую армию, чтобы мы не смогли воспротивиться превращению их в закон»⁹. Вполне понятно, что Бонапарт был в высшей степени недоволен деятельностью трибуната. 17 января 1802 г. сенат под его давлением и в нарушение конституции произвел чистку трибуната, из которого были выведены все наиболее видные представители либеральной оппозиции. После того как, по остроумному выражению мадам де Сталь, с трибуната были «сняты сливки», Констан вынужден был надолго отойти от политики. В условиях наполеоновского деспотизма Констану казалось, что всякая гуманная и благородная с точки зрения либерализма деятельность была обречена на провал¹⁰.

Вместе с мадам де Сталь он отправился в Веймар, где познакомился с Гете, Шиллером, Шлегелями, Сисмонди, приобщился к свежему дыханию раннего романтизма¹¹. В этот период вынужденной отстраненности от политики Констаном были созданы все его немногочисленные художественные и литературно-критические произведения. В 1813 г. Констан встречался с Бернадотом — королем Швеции, видя в нем возможного претендента на французский престол. После падения Империи Констан встречался с Александром I и беседовал с ним о будущем политическом устройстве Франции. В марте 1815 г. в критический для Реставрации период он приветствовал Людовика XVIII статьями в «*Journal des Débats*». Тогда, накануне короткого торжества Наполеона, известного под названием «Ста дней», Констан полагал, что основная цель заключается не в том, чтобы сохранить республику, а в том, чтобы воспитать свободных людей, сознающих свою ответственность перед государством. Реставрация представлялась Констану способной обеспечить соблюдение либеральных принципов. Намерение сотрудничать с администрацией Людовика XVIII укреплялось отрицательным отношением к Наполеону. Выступая в поддержку правительства Реставрации, Констан писал: «Бонапарт ко времени своего отре-

⁸ *Constant Benjamin*. Collection complète, t. 3, p. 62.

⁹ Цит. по кн.: *Lauris Georges*. Benjamin Constant et les idées libérales, p. 41.

¹⁰ Об отношениях Констана и мадам де Сталь с Наполеоном см.: *Guillemin H.* Madame de Staël, Benjamin Constant et Napoléon. Paris, 1959; *Baelen Jean*. Benjamin Constant et Napoléon. Paris, 1965.

¹¹ Об эстетических взглядах Б. Констана см. статью: *Рейзов Б. Г.* Бенжамен Констан и немецкий театр. — В кн.: Литература и эстетика. Л., 1960, с. 111—149.

чения не был популярен среди просвещенных граждан. Он оскорбил их самые преданные чувства, независимость их мнений, право высказывать свои мысли»¹².

В 1814 г. в статье «О духе завоевания и узурпации в отношении к европейской цивилизации», осуждая с либеральных позиций экспансионистскую политику Наполеона, осложнявшую экономическую, военную и политическую ситуацию в стране, Констан писал: «Война исторически предшествует торговле. Она является тенденцией, присущей диким народам, в то время как коммерция — расчетом цивилизованного человека. Ясно, что чем сильнее оказывается тенденция к торговле, тем более ослабевают воинственные притязания»¹³. По мнению Констан, современное правительство, стремясь к войне в эпоху торговли, совершает грубейшую ошибку, противясь природе развития человеческих отношений. Для всеобщего объединения людей требуется нечто иное, чем материальный интерес, возвращающий армию и нацию, а именно высокая мораль. «К счастью, французы были и останутся далеки от той цели, к которой их вел Наполеон»¹⁴.

Понимая двойственный характер наполеоновских войн, Констан замечал: «... Защищать свою родину — это совсем не то, что нападать на народы, которые отстаивают свою независимость. Дух завоевания стремится спутать эти разные вещи»¹⁵. В настоящее время, считал Констан, бессмысленная война — самое большое зло, какое только может принести народу его правительство. Примером этому может служить Франция, утратившая свою славу, престиж и уважение, несчастная, искалеченная страна.

Казалось бы, все говорило в пользу Реставрации, однако в ночь с 19 на 20 марта 1815 г. Людовик XVIII бежал. Констан, раздобыв себе подложный паспорт, направился в Нант, но, узнав по дороге, что город находится в руках бонапартистов, вернулся в Париж. Министр полиции Фуше успокоил Констан, сообщив ему о намерении Наполеона привлечь его к составлению «Дополнительного акта». В сложившейся ситуации Констан пришел к выводу, что предпочесть деспотизм Людовика XVIII Бонапарту было бы шагом назад, и потому принял приглашение участвовать в работе над новой конституцией, тем более что такие люди, как Сиейес и Карно, мнением которых Констан всегда очень дорожил, полагали, что и при Наполеоне можно и нужно служить свободе. «Я считал, — писал позднее Констан в «Записках о ста днях», — что, если Бонапарт искренне намеревался уступить требованиям свободы, его стоило поддерживать, но что если он был неискренен, надо было воспользоваться тем, что он предлагал, чтобы бороться против него его же методами, а также выбить из его рук оружие, которое он будто бы собирался сложить»¹⁶.

С 14 по 22 апреля 1815 г. Констан ежедневно встречался с императором для обсуждения текста будущей конституции. Однако, несмотря на все усилия Констан, конституция не имела успеха: Наполеон был слишком непопулярен в среде крупной буржуазии. «Я плохо учел общественное мнение, — горестно писал Констан. — Я был ослеплен вместе с Наполеоном, но я виноват больше, потому что должен был быть более беспристрастным в желании добиться одобрения общества, ставшего грозным»¹⁷.

После возвращения Бурбонов Констан покинул Францию и направился в Брюссель, а затем в Англию, где завершил работу над мемуарами «Записки о ста днях».

В сентябре 1816 г., узнав о роспуске «бесподобной палаты», Констан счел возможным вернуться во Францию. Он вошел в состав редколлегия журнала «*Minerve*», со страниц которой защищал принципы умеренного

¹² *Constant Benjamin. Lettres sur les cent jours. 1ere partie. Paris, 1820, p. 73—74.*

¹³ *Constant Benjamin. De l'esprit de conquête. Paris, 1947, p. 16.*

¹⁴ *Ibid., p. 26.*

¹⁵ *Ibid., p. 46.*

¹⁶ *Constant Benjamin. Lettres sur les cent jours, 2eme partie. Paris, 1820, p. 5.*

¹⁷ *Ibid., p. 36.*

конституционализма. В апреле 1819 г. Констан был избран депутатом от департамента Сарта. В 1822 г. интригами Виллеля Констан был отстранен от участия в выборах, однако в 1824 г. вновь вернулся в палату депутатом от Парижа. Констан приветствовал Июльскую революцию 1830 г. и способствовал восхождению на трон Луи Филиппа, который назначил его председателем секции Государственного совета.

Политические и философские взгляды Б. Констана основывались на идеях наиболее умеренных представителей французского Просвещения. Этим объясняется отрицательное отношение Констана к руссоизму — учению, наиболее полно отразившему демократические устремления третьего сословия.

Критика руссоизма справа началась еще в XVIII в. и вылилась в знаменитую полемику Вольтера и Руссо, крупнейших представителей противоположных лагерей Просвещения¹⁸. Слабости руссоизма, объяснявшиеся незрелостью и ограниченностью демократических теорий, были подмечены Вольтером. Отражая чисто буржуазные взгляды, Вольтер писал: «Ограничить богатство — это значит лишить тех, кто нажил состояние, возможности пользоваться им и задушить всякую промышленность; это значит задеть одновременно и богатых и бедных»¹⁹.

Отношение Констана к вопросу о крупной и мелкой частной собственности находится в прямой связи с его убеждением в том, что таланты и собственность являются естественным основанием неравенства между людьми. «Сущность развития промышленности, — писал Констан, — заключается в борьбе с конкурирующим производством на основе свободной конкуренции и в приложении усилий для достижения промышленного превосходства. Все другие средства, которые данное производство попытается применить, перестанут быть свободной конкуренцией и превратятся в обман и притеснения»²⁰. Это суждение Констана справедливо для ранней стадии первоначального накопления, когда капитализм не вышел еще из относительно мирной фазы развития.

Живя в эпоху развития крупного машинного производства и являясь свидетелем острых противоречий этого процесса, Констан стремился приостановить его пропагандой идеи мирной конкуренции. Он выступал поэтому не против крупного производства вообще, а против любых форм государственного вмешательства в дела производства, создающего формальное и экономическое неравенство предпринимателей. «Чем шире является исключительное право какой-либо отрасли промышленности, как не использованием влияния социального организма в целях извлечения прибыли для немногих из преимуществ, которые общество, согласно своим задачам, должно гарантировать всем своим членам?»²¹ Констан указывал, что прибыль вместо того, чтобы распределяться поровну, присваивается монополиями, что идет во вред нации, поскольку запретительная система и прочие ограничения и привилегии влекут за собой контрабанду и правонарушения, наказание которых требует больших расходов на полицию и судопроизводство.

Не ограничиваясь осуждением внутривымышленной иерархии, Констан сочувственно говорил о тяжелой участи рабочих, вынужденных за мизерную плату продавать свой труд предпринимателю, о безысходной нужде и забитости трудового люда. «Притеснением, еще более возмутительным, что оно выступает более явно, в менее прикрытой форме, является ограничение заработной платы. Это ограничение, говорит Смит, является жертвой, которую большая часть населения приносит меньшей части.

¹⁸ См.: Бахмутский В. Я. Полемика Вольтера и Руссо. — Вопросы философии, 1959, № 7, с. 99—111.

¹⁹ *Voltaire. Oeuvres complètes*. Paris, 1877—1885, t. 24, p. 417.

²⁰ *Constant Benjamin. Collection complète*, t. 1, p. 358—359.

²¹ *Ibid.*, p. 359.

Мы добавим от себя, что оно является жертвой, которую неимущая часть населения приносит имущей части, трудовая — относительно праздною, та часть, которая уже страдает от жестоких законов общества, — той части, к которой судьба и социальные учреждения оказались более благосклонными»²².

Казалось бы, обвинения, которые Констан адресует буржуазному обществу, той же природы, что и ненависть к этому обществу со стороны Ж. Ж. Руссо. Однако Констан предлагает решение, прямо противоположное тому, которое содержалось в трактатах Руссо: «Существует извечная основа равновесия между зарплатой и стоимостью рабочей силы, — писал Констан, — основа, которая действует сама по себе таким образом, что все подчеты оказываются разумными, а все интересы — удовлетворенными. Эта основа заключается в конкуренции, но ее отбрасывают. Ей чинят препятствия всякого рода несправедливыми предписаниями, соблюдение которых требует применения суровых наказаний»²³.

Отстаивая вслед за Вольтером крупное промышленное производство, Констан не видел, что его развитие неизбежно ведет к монополизации, а сама монополизация есть результат провозглашаемой им «свободной» конкуренции. Стремясь «удержать» развитие капитализма на домонополистической стадии, Констан, сам того не подозревая, пользуется методами Руссо, надеясь разрешить новые противоречия старыми средствами. Но этим подходом он лишь запутывает вопрос, объединяя слабые стороны мировоззрения Вольтера и Руссо.

В отношении Констана к Руссо наглядно проявилась антидемократическая сущность буржуазного либерализма. По мнению Констана, основная ошибка Руссо заключалась в смешении индивидуальной и политической свободы.

В речи «О свободе древних»²⁴, произнесенной в 1819 г., Констан изложил свой взгляд на два возможных типа свободы.

Если в античные времена личная свобода, по мнению Констана, понималась прежде всего как свобода политическая, то в новое время главным является суверенитет индивидуальной свободы, которая должна гарантироваться государством. «У древних индивид, свободный, как правило, в общественных делах, являлся рабом в личных отношениях. Как гражданин он решал вопросы войны и мира, как личность он находился под наблюдением, был ограничен и подавляем во всех своих действиях»²⁵. В Древней Греции у людей, живших небольшими коллективами, не было, по мнению Констана, другой радости, кроме участия в шумных народных собраниях. В современной Европе, объединенной торговыми связями, прогресс разнообразил и усовершенствовал удовольствия культурного и образованного человека, поэтому радость действия в античности сменилась радостью размышления: «Наша свобода должна заключаться в мирном наслаждении личной независимостью»²⁶, — говорил Констан.

Распространение образования и пропаганда идей дальнейшего развития и совершенствования индивидуальных свобод сотрут со временем все социальные грани. Те же, кто, подобно Мабли и Руссо, утверждают, что свобода — это равенство всех, совершают непростительную ошибку. «Аббат Мабли, так же как Руссо и многие другие, принял по аналогии с античностью авторитет социального организма за свободу и всеми силами пытался распространить действие этого авторитета на духовную сторону личности, независимость которой не давала ему покоя. Ему бы хотелось, чтобы закон затронул самые неуловимые мысли и чувства, чтобы он по-

²² Ibid., p. 366.

²³ Ibid., p. 368.

²⁴ *Constant Benjamin*. Collection complète, t. 4, p. 238—274; De la liberté des anciens, comparée à celle des modernes, discours prononcé à l'Athénée royal de Paris.

²⁵ *Constant Benjamin*. Collection complète, t. 4, p. 243.

²⁶ Ibid., p. 251—252.

стоянно преследовал человека, не оставляя ему убежища, где бы он мог отдохнуть от его власти»²⁷.

Констан осуждал Руссо, симпатии которого были целиком на стороне широких народных масс, «требующих права подчинения меньшинства большинству»: «Я не знаю другой системы рабства, которая одобрила бы заблуждения, более пагубные, чем извечная метафизика «Общественного договора»»²⁸, — писал Констан в 1818 г.

Антидемократические взгляды Констан являлись логическим продолжением его либеральной концепции. Настаивая на необходимости имущественного ценза, Констан писал: «Таким образом требуется еще одно условие, кроме сословной принадлежности и достижения необходимого возраста, предусмотренного законом. Это условие заключается в наличии досуга для приобретения знаний, для зрелости суждений. Только собственность может обеспечить этот досуг; только собственность делает людей способными выполнять свои политические обязанности»²⁹.

Историческая ошибка Констан заключалась в том, что он видел в буржуазном обществе такой строй, который сможет со временем обеспечить благосостояние всем своим членам. Отстаивая принцип свободной конкуренции, он писал: «Обратите внимание, что главная цель неимущих заключается в том, чтобы стать собственниками; все средства, которые вы для этого предоставляете, будут употреблены ими для достижения этой цели. Если к свободе возможностей и промышленности, которые вы обязаны им предоставить, вы прибавите политические права, предоставлять которые вы им не обязаны, эти права, оказавшись в руках огромного большинства людей, неизбежно приведут к уничтожению частной собственности. Они пойдут по этому ложному пути, вместо того чтобы следовать по естественному пути, ведущему к труду; для них это явится источником коррупции, а для государства — причиной беспорядков»³⁰.

Защищая независимую личность от посягательств «коллективной воли», Констан, правда с буржуазных позиций, защищал освободившуюся от феодальной безличности индивидуальность, свободу конкуренции и частного предпринимательства. Однако в оценке, которую Констан дает демократическим взглядам Руссо, обнаруживается его историческая ограниченность. Ведь к учению Руссо можно применить слова Ф. Энгельса: «Что неверно в формально-экономическом смысле, может быть верно во всемирно-историческом смысле»³¹.

Говоря о «свободе личности», Констан наполнял это понятие глубоким общественным содержанием, и в этом проявлялась его несомненная связь с гуманизмом XVIII в. Однако в реальной действительности свобода личности могла принять лишь форму свободной торговли несвободного от материального интереса буржуа. Поэтому в высказываниях Констан о взглядах Руссо и Мабли на свободу речь идет о таких буржуазных законах, которые, с одной стороны, гарантировали бы неприкосновенность частной собственности, т. е. «свободу духовной стороны личности», как говорил Б. Констан, а с другой — обеспечивали бы предпринимателю абсолютную свободу конкуренции и частной инициативы, или, по Б. Констану, «торжество индивидуальности». С этой точки зрения, если законы противоречат материальному интересу, буржуа может не подчиниться им. «Подчинение закону является обязанностью, — пишет Констан, — но, как и всякая обязанность, она не абсолютна, а относительна; она основывается на предположении, что закон имеет справедливое происхождение и ограничивается разумными пределами»³².

²⁷ *Constant Benjamin. Collection complète, t. 4, p. 255—256.*

²⁸ *Ibid., t. 1, p. 329.*

²⁹ *Ibid., p. 139.*

³⁰ *Ibid., p. 140.*

³¹ *Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 21, с. 184.*

³² *Constant Benjamin. Collection complète, t. 1, p. 311.*

В формулировке таких законов Констан опирается на учение Монтескье, который утверждал, что «политическая свобода состоит совсем не в том, чтобы делать то, что хочется. В государстве, т. е. в обществе, где есть законы, свобода может заключаться лишь в том, чтобы иметь возможность делать то, чего должно хотеть, и не быть принуждаемым делать то, чего не должно хотеть»³³.

Констан чрезвычайно высоко оценивал значение политических трактатов Монтескье. Называя Монтескье «отцом политической науки», он писал в своем дневнике 22 января 1804 г.: «Перечитывал Монтескье. Какая глубина и пронизательность. Все, что он говорит, даже в мелочах подтверждается каждым сегодняшним днем»³⁴.

Утверждение Монтескье, что «свобода есть право делать все, что дозволено законами», предполагало возможность гармонии личности и общества. Констан-просветитель глубоко осознавал необходимость единства личного и общественного интереса. Однако в качестве апологета либерализма Констан объективно защищает интересы частного собственника. «Мне кажется,— писал Констан,— что Монтескье, как и большинство политических писателей, спутал две разные вещи: свободу и гарантию. Индивидуальные права — это свобода; социальные права — это гарантия». Свобода поэтому «есть не что иное, как право индивидуумов делать то, что общество не имеет права запретить»³⁵.

Учение об «индивидуальных правах» пользовалось большой популярностью в либеральных кругах. В работе «Курс политики конституционализма», предлагая свой вариант либеральной конституции, Констан провозглашал: «Все французы пользуются индивидуальными правами, независимыми от какой бы то ни было политической власти. В эти права входят: 1) личная свобода, 2) суд присяжных, 3) свобода вероисповедания, 4) свобода промышленности, 5) неприкосновенность имущества, 6) свобода прессы»³⁶. Идея индивидуальных прав, утверждаемых Константином, восходит к идее полезности, или разумного эгоизма, возникшей в Англии в эпоху революции и обоснованной Гоббсом и Локком. Обогатившись теорией нравственности Гельвеция, который выдвинул идею разумного сочетания личного и общественного интересов, идея полезности была вновь подхвачена И. Бентамом. Констан, хорошо знакомый с учением Бентама, выступил против идеи полезности в том виде, какой она приняла к этому времени. «Писатель, достойный большого уважения благодаря глубине, верности и новизне своих мыслей Иеремия Бентам выступил недавно против идеи прав, незыблемых и неотъемлемых. Он стал утверждать, что это может лишь запутать нас и что необходимо на место прав поставить принцип полезности, который кажется ему более простым и вразумительным. Так как путь, по которому он следовал, привел его к результатам, сходным с моими, я не хотел бы спорить по вопросам терминологии. И все же я вынужден спорить, поскольку принцип полезности в том виде, в каком Бентам нам его предлагает, содержит в себе, на мой взгляд, неудобства, которыми страдают все неточные формулировки. Кроме того, этот принцип содержит в себе особую опасность»³⁷.

Возражая Бентаму, Констан пишет: «Принцип полезности еще и потому более опасен, чем принцип естественных прав, что вызывает в умах людей надежду на прибыль, а не чувство долга. Но ведь оценка прибыли произвольна: в ней главная роль принадлежит воображению, в то время как никакие ошибки и капризы этого воображения не смогут изменить понятия долга. Нанося вред своим ближним, я попираю их права; это неоспоримая истина. Но если я оцениваю нарушение этих прав с точки

³³ Монтескье III. Избранные произведения. М., 1955, с. 288—289.

³⁴ Constant Benjamin. Journal intime. Paris, 1928, p. 9.

³⁵ Constant Benjamin. Collection complète, t. 1, p. 174, 175.

³⁶ Ibid., p. 144.

³⁷ Ibid., p. 300.

зрения пользы, которую я могу извлечь из этого нарушения, я рискую ошибиться в расчетах и найти нарушение этих прав полезным. Следовательно, принцип полезности значительно менее конкретен, чем принцип естественных прав»³⁸.

Всю свою жизнь Констан ощущал неразрешимое противоречие, существующее между частным собственником и гражданином. Болезненно переживая кризис «среднего состояния», противопоставляя принципу полезности принцип естественных прав, Констан усматривал истоки воцарившегося во Франции эгоизма в сенсуализме и рационализме XVIII в., который, с его точки зрения, привел к оправданию самых отрицательных сторон человеческой личности: эгоизма и расчета. «Что за странная философия XVIII века! Она смеется над самой собою и над другими, пытается дискредитировать не только общественные предрассудки, не только утешительные и нравственные понятия, которые можно было бы отделить от этих предрассудков, но осмеивает и собственные теории, с наслаждением находя повсюду нелепости, все пачкая, все принижая. Если внимательно перечитать произведения этой поры, перестанешь удивляться и тому, что за ней последовало, и тому, что происходит в наше время. Эти писатели, люди мгновения, ограничивавшие этим мгновением свое существование и свое влияние, писали только для того, чтобы побуждать к эгоизму и подлости поколение, которое пришло за ними и, конечно, вполне воспользовалось их советами»³⁹.

На протяжении многих лет Констан работал над многотомным трудом «О религии, рассматриваемой в ее возникновении, формах и развитии», в котором исследовал историю религиозного чувства. Противопоставляя правильно понятому интересу высокий нравственный принцип, связанный с «категорическим императивом» Канта, Констан писал в предисловии к своему сочинению: «В наше духовное чувство, а не в правильно понятый интерес вложила природа руководство к действию. Это чувство предупреждает нас о том, что хорошо и что дурно. Правильно понятый интерес учит нас лишь тому, что выгодно или вредно»⁴⁰.

В обстановке торжества буржуазного эгоизма Констан пытался доказать, что идея нравственных принципов содержится в самой действительности. В статье 1797 г. «О политической реакции» Констан сделал попытку соотнести идею нравственного долга с требованиями реальной действительности. Принципом Констан называет результат комбинаций некоторых событий действительности. Если сумма событий меняется, то меняется и результат — принцип. Этот результат универсален только по отношению к той комбинации событий, из которой он вытекает, и именно поэтому он универсален относительно, а не абсолютно. «Когда говорят, что такое-то обстоятельство должно нарушить принципы, то ошибаются. Сущность принципа заключается не столько во всеобщности, сколько в определенности; и поскольку это качество отражает сущность принципа, в нем содержится вся его полезность»⁴¹. Подчеркивая относительность принципа, вытекающего из фактов действительности, Констан противопоставляет его тем самым универсальным принципам, во имя которых совершались «крайности» якобинского Конвента, равно как и неоправданные жестокости термидора. По мнению Констана, абстрактный принцип, оторванный от промежуточных принципов, может привести лишь к беспорядкам, и если это происходит, то причина скрывается в незнании принципа-посредника. «Естественно, что принципы, являясь результатом частных поступков, а в политическом плане — результатом частного ин-

³⁸ *Constant Benjamin*. Collection complète, p. 302.

³⁹ *Constant Benjamin*. Journal intime... par Jean Mistler. Monaco, 1945, p. 220.

⁴⁰ *Constant Benjamin*. De la Religion. Bruxelles, 1824, p. XIII. О философских и религиозных взглядах Констана см.: *Deguisse Pierre*. Benjamin Constant méconnu. Genève, 1966.

⁴¹ *Constant Benjamin*. Collection complète, t. 3, p. 93.

тереса, или, точнее, — общим интересом всех, должны были бы быть дороги всем и каждому; но так как все существовавшие учреждения, являясь результатом частного интереса, противостояли общему интересу всех, не могло не произойти того, на опасность чего мы указывали»⁴². Идея наследственных привилегий является, по мнению Констана, таким же абстрактным предрассудком, как и идея равенства. Однако привилегии, являясь реальностью, обросли со временем не только учреждениями, поддерживающими их, но и привычками и связанным с ними интересом. Идея равенства ничем не поддерживалась, но, все разрушая, возмущала спокойствие индивидов. Поэтому все возлюбили привилегии и возненавидели идею равенства как предрассудок, связанный с разрушениями. «Но поменяйте местами этот порядок вещей, представьте, что теория равенства признана, организована, является основным звеном социальной цепи, связанным соответственно со всеми интересами, со всеми подчестами, со всем устройством частной и общественной жизни. Представьте теперь, что учение о привилегиях изолировано и является лишь общей теорией, противостоящей этой системе. Тогда предрассудок станет разрушительным, а принцип — предохранительным»⁴³.

И в области морали, по мнению Констана, сохраняется то же соотношение. «Нет сомнений в том, что абстрактный закон морали, взятый в отрыве от промежуточных законов, произвел бы не меньший хаос в человеческих отношениях, чем абстрактный принцип политики в социальных отношениях. Если нравственный принцип, гласящий, что человек должен говорить правду, принять как абсолютный, вне всякой связи с чем бы то ни было, то он сделал бы невозможным существование общества. Доказательства тому мы находим в тех прямых выводах, которые сделал из этого принципа немецкий философ, утверждающий, что преступно было бы солгать убийцам, спрашивающим вас, находится ли в вашем доме друг, которого они разыскивают»⁴⁴. Для того чтобы в каждом конкретном случае не нарушить основополагающий закон человеческой морали, необходимо, по мнению Констана, отыскать промежуточный закон-компромисс. Нельзя не говорить правду, так как правдивость есть обязанность каждого. Право одного основано на обязанности другого. Там, где нет права, нет и обязанности. Говорить правду — обязанность по отношению к тому, кто имеет право на правду. Ни один человек не имеет права на правду, если он посягает на безопасность другого. Таким образом отыскивается чрезвычайно характерный для Констана не только теоретика, но и политика промежуточный закон-компромисс, не нарушающий законов человеческого общежития. Формулируя принципы законов-компромиссов, Констан полемизировал с Кантом, усматривая в «категорическом императиве» опасность субъективного идеализма, чреватого в своем крайнем выражении равнодушием к общественным и политическим вопросам. Поэтому, выводив нравственный принцип из самой действительности, Констан стремился упорядочить ее таким образом, чтобы следование нравственным законам стало нормой поведения каждого индивида. С этим связана борьба Констана за разделение властей в государстве.

Полагая вслед за Монтескье, что Франции наиболее соответствует монархическая форма правления, Констан предлагал разделить власти в государстве на королевскую, исполнительную, законодательную и судебную: «Законодательная власть осуществляется представительным собранием, утверждаемым королем, исполнительная — министрами, судебная — трибуналами. Первая издает законы, вторая следит за их исполнением, третья применяет их в частных случаях. Король находится между этими тремя инстанциями, являя собой нейтральную и посредническую силу,

⁴² Ibid., p. 94—95.

⁴³ Ibid., p. 96.

⁴⁴ Ibid., p. 97—98.

имеющую цель и прямой интерес, конечно же, не нарушать, но, напротив, всячески поддерживать эти инстанции»⁴⁵.

Констан наделяет короля большими полномочиями. Так, королевская власть находится в его руках, он назначает и смещает представителей исполнительной власти. Санкция короля необходима для того, чтобы решения палаты представителей имели силу закона. Король может отложить заседание палаты представителей и распустить палату, избранную народом. Ему принадлежит право назначать судей, решать вопросы о помиловании, а также вопросы войны и мира. Личность короля неприкосновенна и священна⁴⁶.

Сохраняя иллюзии относительно просвещенной монархии, Констан ставит принцип разделения властей в зависимость от доброй воли короля. «Наследственный монарх может и должен быть независимым,— утверждает Констан.— Это — особое лицо, находящееся на вершине пирамиды. Прерогатива, принадлежащая не только ему, но и всей его династии, от предков до потомства, ставит его в особое положение по отношению к подчиненным»⁴⁷.

Не сомневаясь в том, что единственным разумным правительством может быть только конституционная монархия, Констан утверждал: «Конституционная монархия предоставляет нам... ту самую нейтральную власть, которая столь необходима всякой упорядоченной свободе»⁴⁸.

Исполнительная власть, по мнению Констан, исходит от короля, но в новых условиях ее осуществляет уже не король, так же как и представительная власть, выражая интересы народа, не есть сам народ. Выступая против неприкосновенности исполнительной власти, Констан писал: «Те, кто в министрах видит простых агентов исполнительной власти, делают очевидной всю абсурдность того положения, когда инструмент объявляется ответственным, а рука, которая им пользуется,— неприкосновенной. Но взгляните на исполнительную власть, т. е. министерскую, как на особую власть, которую король может пресечь путем отстранения, как он пресекает благодаря праву роспуска палату представителей; тогда ответственность исполнительной власти станет очевидной, а неприкосновенность королевской власти — гарантированной»⁴⁹.

Исполнительная власть, считает Констан, принадлежит королю и министрам. Однако король, просвещенный монарх, не диктует свою волю, а лишь выбирает, но выбирает не пассивно, а активно. Констан высказывается против точки зрения Шатобриана, который утверждал, что «король не оказывает давления на своего министра и, если тот не повинется, не настаивает. Министр совершает ошибку, дискредитируя себя, и король меняет его на другого министра. Я понимаю принцип руководства совсем не так,— пишет Констан.— Если король видит, что министр находится на грани совершения ошибки, он не остается в бездействии. Он не допускает совершения ошибок, от которых может пострадать целая нация. Король не прибегает к принуждению, но смещает своего министра до того, как тот совершит ошибку»⁵⁰.

Особые функции, которыми Констан наделяет королевскую власть, объясняются тем, что в эпоху Реставрации два основных класса претендовали на политическое господство во Франции: аристократия и крупная буржуазия, т. е. земельная собственность и финансово-промышленный капитал. Роялисты-аристократы, по мнению Констан, повернули бы страну вспять, к временам привилегий и деспотизма. Республиканцы, отдав власть в руки буржуазных министров, способствовали бы тому, что Кон-

⁴⁵ *Constant Benjamin. Collection complète, t. 1, p. 15.*

⁴⁶ *Ibid., p. 21.*

⁴⁷ *Ibid., p. 43.*

⁴⁸ *Ibid., p. 19.*

⁴⁹ *Ibid.*

⁵⁰ *Ibid., p. 218.*

стан называл анархией. В своей конституции Констан сделал попытку объединить оба класса таким образом, чтобы разумным разделением властей в государстве примирить дворянско-буржуазные антагонизмы силой королевской власти. В короле Констан видел лицо, заинтересованное в упрочении либеральных свобод. Во взгляде Констана на конституционную монархию проявилась основная ошибка просветителей, полагавших, что политические учреждения независимы от экономических отношений между людьми.

Учитывая опыт английской конституции, Констан считал, что парламент во Франции должен состоять из двух палат: «Верхняя палата — наследственная, назначаемая королем с неограниченным количеством членов. Ограничение количества пэров или сенаторов означало бы создание привилегированной аристократии, которая вела бы себя вызывающе как по отношению к королю, так и к его подчиненным»⁵¹.

Пэрство необходимо, считал Констан, для поддержания традиций и порядка в государстве, однако само по себе оно не всегда в состоянии удержать народ в повиновении, особенно в период революций. Поэтому важно, по мнению Констана, чтобы в нижней палате было побольше уважаемых народом представителей, как в США, где сенат не велик по численности. Третий пункт, касавшийся законодательной власти, торжественно провозглашал: «Нижняя палата избирается непосредственно народом». Доказывая преимущества прямых выборов, Констан писал: «Прямые выборы возвращают владельцев к их собственности, от которой в противном случае они отдаляются. Оказываясь вынужденными выбирать представителей из народа, они в своих расчетах ограничиваются необходимостью производить наибольшее количество товаров. Прямые выборы вынуждают собственников более ответственно подходить к выбору кандидатуры и тем самым приносить больше пользы своим подчиненным»⁵².

Стремление Констана создать во Франции пэрство было связано с попыткой привлечь аристократию к управлению государством, погасив тем самым ее центробежные устремления. Известно, что дворянство, хотя и высказывалось в духе роялизма, на деле не было заинтересовано в упрочении абсолютной королевской власти. Не понимая экономических причин, руководивших действиями дворянства, Констан полагал, что оно заинтересовано в конституционализме, хотя в действительности оно было заинтересовано прежде всего в земельной ренте. «Дворянство не являлось тем промежуточным звеном, — писал Констан о роли дворянства до революции, — которое держало бы народ в повиновении и заботилось о свободе; оно было лишено почвы и конкретного места в социальном организме. Все способствовало его ослаблению вплоть до образованности и индивидуального превосходства его представителей»⁵³.

После революции, считал Констан, настало время, когда дворянство сможет проявить все свои преимущества, заняв по аналогии с английской системой управления посредническое положение между королем и парламентом. Однако в действительности все происходило иначе, и Констан, едва сдерживая возмущение, гневно обрушивался на эгоистическое дворянство, ставящее личные интересы выше государственных. «Когда прежняя власть изгнала дворянство, — писал Констан, имея в виду империю, — я боролся с этой преступной и опасной политикой. Но когда восемьдесят тысяч на глазах у двадцати четырех миллионов захватывают правительственные учреждения с тем, чтобы вознаградить себя за прежние обиды, лучшее ли это средство, хотел бы я знать, для того, чтобы снискать популярность у большинства населения?»⁵⁴

⁵¹ Ibid., p. 55.

⁵² Ibid., p. 75.

⁵³ Ibid., p. 52.

⁵⁴ Ibid., t. 2, p. 134—135.

Идею создания пэрства во Франции Констан заимствовал у английской конституции. Англия представлялась Констану страной, в которой достигнутые революцией либеральные свободы закреплены мудрой конституцией и гарантированы государством. «Англия,— писал Констан в «Красной тетради»,— это страна, в которой, с одной стороны, максимально обеспечена гарантия прав каждого индивида, а с другой — сохранено неравенство в общественном положении»⁵⁵.

Тайна английской «славной революции», вызывавшей восхищение крупной французской буржуазии и заключающаяся, по ее мнению, в установлении разумной формы правления, скрывалась в исторически сложившейся особенности экономических отношений английского дворянства и буржуазии. Земельные владения английского дворянства отвечали интересам буржуазного развития страны. Таким образом, отличие французского дворянства от английского объективно не позволяло Констану полностью скопировать английскую систему управления.

Однако буржуазное развитие Франции привело к тому, что отношение Констана к вопросу о пэрстве претерпело на протяжении времени известную эволюцию. В период «Ста дней», сотрудничая с Наполеоном в составлении «Дополнительного акта» конституции, Констан пытался убедить императора в необходимости создания во Франции пэрства по типу Англии. Однако это предложение не встретило поддержки Наполеона. «Пэрство,— говорил Наполеон,— находится в противоречии с нынешним общественным мнением. Где мне, по-вашему, взять аристократов для пэрства? Древние роды, обладающие большими состояниями, мне враждебны, а новые состояния нажиты нечестно»⁵⁶.

Позднее, переосмысливая в «Записках о ста днях» события минувших лет, Констан изменил свое отношение к вопросу о пэрстве. «С нашим национальным характером, нашей любовью к почти всеобщему равенству, дробление собственности, ее непрерывное движение, всевозрастающее влияние торговли, промышленности и государственных биржевых бумаг стало по меньшей мере столь же необходимым элементом социального организма и даже более важной опорой правительства, чем сама земельная собственность, которая, являясь наследственной привилегией, основанной лишь на праве землепользования, зиждется на концентрации территории в немногих руках и поэтому содержит в себе нечто противоестественное. Пэрство, если оно есть, может существовать, и оно существует, поскольку оно у нас есть; но если бы его не было, я бы считал, что оно невозможно»⁵⁷.

Действительно, продвижение Франции по капиталистическому пути выделило так называемую финансовую аристократию, которая в период Июльской монархии стала социальной основой администрации Луи Филиппа.

В результате Июльской революции 1830 г. политические идеалы Констана отчасти воплотились в установлении буржуазной монархии. Именно эту форму государственного управления отстаивал Констан, когда в «Курсе политики конституционализма» (1818—1820) доказывал, что «основная ошибка всех прежних конституций заключалась в том, что вместо того чтобы создать нейтральную власть, весь авторитет, облеченный этой властью, сосредоточивался в руках короля или министров»⁵⁸. 27 сентября 1830 г. Констан писал своей двоюродной сестре: «Итак, милая Розалия, что скажете вы о наших революциях? Они довольно спокойны, как мне кажется, и умонастроение прекрасного населения Парижа должно положить конец всем вашим беспокойствам. Это не означает, что все уп-

⁵⁵ *Constant Benjamin. Le cahier rouge. Paris, 1928, p. 95.*

⁵⁶ *Constant Benjamin. Lettres sur les cent jours. 2ème partie, p. 56.*

⁵⁷ *Ibid., p. 58.*

⁵⁸ *Constant Benjamin. Collection complète, t. 1, p. 17.*

рочивается, но я надеюсь, что мы на верном пути. Наш новый король превосходит. Он лучше всех нас, включая министерство и палаты. Не существует такой идеи либерализма, которую он не собирался бы претворить в действительность, и если бы ему помогали в этом, все устроилось бы самым лучшим образом»⁵⁹.

Однако жизнь разрушила эти надежды Константа. Узость классовой основы Июльской монархии, опиравшейся лишь на финансовую аристократию, тормозила капиталистическое развитие страны. Коррупция высших чиновников, экономический и политический кризис привели к революции 1848 г. Июльская монархия не только не смогла разрешить, но еще больше углубила противоречия капиталистического общества. «Абсолютное торжество индивидуальности», о котором мечтал Констант, обернулось «независимостью» в обществе такого индивида, «который принимает необузданное, не связанное больше ни общими узами, ни человеком, движение своих отчужденных жизненных элементов, как например, собственности, промышленности, религии и т. д., за свою *собственную* свободу, между тем как оно, наоборот, представляет собой его завершённое рабство и полную противоположность человечности. На место *привилегии* здесь стало *право*»⁶⁰. Бенжамен Констант-политик оказался жертвой исторической ограниченности либерализма. Отстаиваемая им свобода индивидуальности обратилась в условиях буржуазного общества в свою собственную противоположность.

Тематические материалы:

М.Федорова. Классический французский либерализм
/ Сб. переводов текстов Бенжамена Константа и Франсуа Гизо.

Вступительная статья

http://enlightenment2005.narod.ru/arc/liberalism_franc_fedorova.pdf

Анри Бенжамен КОНСТАН де Ребекк

25.10.1767 — 8.12.1830

<http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref4.htm#b-const>

⁵⁹ Benjamin, Rosalie de Constant. Correspondance. 1786—1830. Paris, 1955, p. 321.

⁶⁰ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 2, с. 129—130.